

Суй И с трудом отделил рассудок от тьмы, но ненадолго — вскоре он снова неудержимо падал в незнакомый мир галлюцинаций.

Нин Лань наконец вырвался из его плена, переменил положение и, усевшись верхом на по-прежнему напряжённые бёдра Суй И, одной рукой обхватил его плечо, а другой потянулся вниз, безошибочно нащупав то, что давно уже затвердело.

В голове Суй И ещё теплилась искра рассудка, и он толкнул человека на себе:

— Ты что делаешь?

Нин Лань снова рассмеялся. Его тонкие пальцы сквозь ткань теряли и крутили горячий твёрдый стержень:

— Это я должен спрашивать тебя, капитан. Почему ты стоишь?

Тепло и запах алкоголя витали в воздухе. В темноте чувствительность к звукам и запахам обострилась до предела. Суй И даже слышал, как в конце фразы его голос весело подскочил вверх, а собственное сердце билось так же часто и тяжело, как у него.

Он утешал себя: это, должно быть, галлюциногенный эффект алкоголя.

Но он не мог оставаться равнодушным к приставаниям Нин Ланя. Рука лежала на тонкой, мягкой талии — тянуть не тянул, толкать не толкал.

Рука Нин Ланя сжимала всё крепче, движения становились всё быстрее. Суй И сдерживал стоны, не давая им вырваться из горла, но Нин Лань тяжело дышал, с каждым движением извиваясь, и его выдохи становились долгими и тягучими.

«Он, должно быть, привык к таким делам, — думал Суй И, — иначе как может быть таким развратным?»

Почувствовав, как под его ладонью предмет ещё увеличился, Нин Лань с удовлетворением прищурился, согнул пальцы к молнии брюк, освободил одну руку, потянул руку Суй И к своей ягодице и, переведя дух, полусушутя-полуприказал:

— Держи меня... Не усидеть.

Увидев, как прекрасные глаза, полные влаги, затуманились похотью, в голове Суй И раздался звон, и последняя нить рассудка оборвалась. Он с силой надавил ладонью, поддерживая округлую ягодицу, пальцы сквозь ткань глубоко впились в плоть.

Нин Лань только расстегнул молнию, как его сбilo с толку это грубое движение. Холодные пальцы скользнули под край белья и безо всякой подготовки схватили невероятно горячий стержень.

— Какой большой... — Нин Лань облизал губы и выдохнул.

Это растерянное и жаждущее выражение заставило Суй И на мгновение подумать, что Нин Лань принял его за кого-то другого.

Так же, как он смотрел сквозь него на того, кого не мог коснуться и не имел права касаться.

Их окружала звенящая тишина и тьма, они не видели друг друга. Даже если бы они и правда

сошли с ума, никто бы не узнал.

У Нин Ланя от природы холодные руки, и, прижавшись к горячему телу Суй И, он чувствовал себя в безопасности. Тепло от ладоней растекалось по конечностям, и он не удержался от кошачьего вздоха, наклонившись к плечу Суй И и тихо спросив:

— Тебе хорошо?

Суй И сжал губы, но его учащённое дыхание и сдавленные стоны в горле полностью выдавали его возбуждение.

Не услышав ответа, Нин Лань, казалось, расстроился. Он перестал двигаться рукой, упёрся ладонями в плечи Суй И и попытался встать, но ноги подкосились, и он чуть не упал обратно. Суй И уже привык, что у него всегда слабые ноги, и рефлекторно подхватил его за талию.

Нин Лань от его прикосновений размяк, словно вода. Весь день его мысли занимали только эти руки Суй И, а теперь, когда лица не было видно, это казалось естественным оправданием, позволяющим предаться любым желаниям.

Он медленно опустил на корточки, ловкие пальцы раздвинули расстёгнутую рубашку Суй И и начали скользить по напряжённым пресс-мышцам — то кончиками легко касаясь, то ладонью поглаживая.

Пальцы Нин Ланя не были такими гладкими и нежными, как его лицо, но именно из-за тонких шрамов и мозолей каждое прикосновение вызывало такое щекотное жжение, словно кожа горела.

— Оказывается, тебе нравится, когда здесь трогают.

В этой позе Суй И не видел лица Нин Ланя, но был уверен: он улыбается, когда говорит.

Рука Нин Ланя продолжала скользить вверх. Довольный тем, что насладился долгожданными грудными мышцами, он провёл пальцем по выступу, собираясь убрать руку, как вдруг Суй И схватил его за запястье.

Он просто держал его, не двигаясь и не говоря ни слова, грудь тяжело вздымалась, словно у зверя в темноте, готовящегося к броску.

Нин Лань знал, что ему ещё мало, и снова не удержался от смеха:

— Ладно, ладно, отпусти, я тебя порадую.

Суй И поддался неодолимому искушению и разжал пальцы.

Нин Лань обеими руками обхватил его всё ещё стоящий колон и наклонился.

Суй И почувствовал, как этот непослушный член оказался в мягкой, влажной тепле. Сначала головка, а потом ствол медленно погрузился внутрь, где ловкий язычок облизывал и скользил по коже.

Нин Лань делал это впервые, с трудом пытаясь справиться с гигантом между ног Суй И, и думал, что переоценил свои силы. Его рот был мал, проглотить даже эту часть было тяжело, да ещё приходилось следить, чтобы не задеть зубами — это была изнурительная работа, требующая мастерства.

А он и не знал, как приятно тому, кого он старался ублажить.

Суй И рано созрел физически, но из-за холодного нрава мастурбировал редко, поэтому даже не подозревал, что это может быть так приятно.

Так приятно, что хотелось погрузить его целиком.

Вечер уже вышел из-под контроля, что ещё немного — уже не важно.

Всё равно уже случилось.

Нин Лань, сжимая толстый твёрдый ствол, работал изо всех сил — сосал и лизал, пока щёки не онемели, а тот лишь набухал, не собираясь сдаваться.

Он провёл языком по стволу сверху вниз и, прежде чем снова взять его в рот, пробурчал:

— Устал... Почему ты ещё не кончаешь?

Едва он это сказал, как дыхание над его головой вдруг стало грубым и тяжелым.

Суй И вдруг правой рукой надавил ему на затылок и резко вогнал набухший до предела член в этот влажный маленький рот.

— Мм... — Нин Лань успел только хмыкнуть, когда движения Суй И заставили его быстро отсасывать этот мучительный стержень. Хотя целиком он его не брал, в порыве страсти зашёл гораздо глубже, чем раньше.

Нин Лань был в замешательстве: ему было и больно, и приятно, и он сам ускорил темп. Суй И видел только макушку Нин Ланя, которая поднималась и опускалась в такт его дыханию.

Последний сдерживаемый стон вырвался почти рыком, и разрядка заставила его головокружительно закружиться.

Нин Лань не успел уклониться, и густая горячая жидкость хлынула ему в лицо. Он без сил откинулся назад, опираясь руками на ковёр.

Свет из-за двери снова упал на них, и Суй И ясно видел, как жидкость, вылившаяся из него, медленно стекает по щеке Нин Ланя к уголку рта.

Нин Лань высунул язык, слизал каплю и ярко улыбнулся; влажные уголки глаз сверкнули в луче света:

— Теперь полегче?

Шумный банкет в честь успеха продолжался до самого утра.

Пьяных в стельку людей погрузили в машины и трезвые водители отвезли их от отеля. Вся команда AOW легла на обе лопатки, к счастью, водитель микроавтобуса не пил и добросовестно доставил ребят в общежитие.

Суй И и Нин Лань оказались единственными, кто сохранил ясность ума.

Вместе они затащили четырёх потерявших сознание товарищей в комнату. Суй И устроил Гу Чэнькая, поднял голову и увидел, что Нин Лань зевает, выходя таким уставшим, будто вот-вот

уснёт. Суй И не собирался здесь задерживаться, пробормотал невнятное «спокойной ночи» и, потягиваясь, вышел.

Наутро двое протрезвевших столкнулись в ванной. Нин Лань чистил зубы, встретился взглядом со Суй И в зеркале и меньше чем через секунду отвёл глаза, с зубной щёткой во рту буркнул:

— Доброе утро.

Суй И вернулся с пробежки, весь в поту, открыл кран, чтобы намочить полотенце. Нин Лань тоже умывался, зачёрпывая воду ладонями и плеская в лицо; сейчас на щеках почти не было румянца, а глаза были обычного цвета — совсем не то соблазнительное лицо, что вчера.

После этого никто больше не вспоминал об этом.

Иногда Суй И думал: не приснилась ли ему дикая эротика?

Яркие звуки всё ещё звучали в ушах, мягкие прикосновения словно ощущались на кончиках пальцев. Почему же другой участник тех событий мог так спокойно вести себя, словно ничего не произошло?

<http://bllate.org/book/16833/1565405>